

Надежда Арусева

Солнечный дождь из чёрной дыры

18+

Надежда Арусева

Солнечный дождь из черной дыры

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Арусева Н. И.

Солнечный дождь из черной дыры / Н. И. Арусева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Рождение близнецов – счастье! Ну, это как посмотреть... Два голодных рта семейный бюджет не выдержит. Бабушка сказала решать вопрос радикально: один младенец остается, второго сдаем в детдом. И кому из детей повезло больше? Увы, не девочке, оставшейся под материнской грудью. Бабуля – ведьма, папа – бандит, мама – затравленное безропотное существо. Как жить, если ты никому не нужна? И вдруг неожиданный подарок - брат, родная душа, половинка сердца. Теперь все наладится, вместе с любой бедой справиться можно! Разберемся, кто подбрасывает оскорбительные, грязные письма, натравливает цепных собак, преследует, пугает по ночам и... убивает.

Содержание

Часть 1	7
Глава 1. Близнецы	7
Глава 2. Девочка с собачьей кличкой	11
Глава 3. Мальчик в розовой шапочке	18
Глава 4. Чечёткины	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Апрель 1992 года

Апрель в этом году выдался холодным. Дни были серыми, пасмурными, по ночам случались заморозки. Городские дворы не просохли после недавно растаявшего снега, обнажившего скопившийся за зиму мусор. В подворотнях стоял затхлый запах. Поздно вечером редкие прохожие зябко ёжились в пальто и прибавляли шагу, спеша спастись от холода и сырости в тепле своих домов.

Высокий худой парень пошатывающейся походкой плёлся по тёмным улицам и что-то бормотал себе под нос. Он сильно сутулился, прятал лицо в куцем воротнике и старался держаться в тени, обходя пятна жёлтого света от редких фонарей. Он нёс большую спортивную сумку, неестественно отставив руку в сторону, чтобы сумка не била его по ногам.

– Разве ж это люди? Не люди – звери! Их даже зверями назвать нельзя, – монотонно бубнил он. – Сами дел натворят, а я расхлёбывать должен. А мне оно надо?! Не надо! Но ей же поперёк слова не скажи. Она того и гляди в рожу вцепится и глаза выцарапает. Ведьма! Ведьма натуральная и есть. Прокляну, говорит. Пожалуйста! Кляни! Так она и отравить может! Это надо же такое придумать! Ну, придумала – сама и делай, зачем людей впутывать?! Мне оно надо? Так отравит же. Ей разве что-то против скажешь? Тварь. Просто тварь!

Он спотыкался, и монолог начинался заново по какому-то замкнутому кругу:

– Разве ж это люди? Не люди – звери! Отравит ведьма! Тварь. Просто тварь! Ох, и попал же я! – голос срывался на рыдания.

Устав тащить свою ношу, он остановился и осторожно поставил сумку на землю. Безуспешно попытался натянуть короткие рукава куртки пониже и посмотрел на свои ноги в истоптанных кроссовках, надетых на босу ногу.

– Ноги замёрзли... Так и заболеть недолго, – тоскливо заключил он. – В такую погоду хороший хозяин... А я для них хуже собаки! Сама сидит дома в тепле, как барыня, чай хлебает, а я тут по улицам шататься должен, мёрзнуть.

Парень огляделся по сторонам. На глаза ему попался мусорный контейнер. Мусор давно не вывозили, вокруг ржавого грязного контейнера валялись целлофановые пакеты, битое стекло, доски с гвоздями, какая-то разбитая мебель. Разило от помойки резко и далеко.

– Всё! С меня хватит! Раскомандовалась! Брала бы сама и несла куда ей надо по такому холоду!

Он распрямил спину, схватил сумку и решительно подошёл к мусорке. Сделав широкий замах, он опустил сумку в самый центр контейнера. Зазвенело стекло, что-то зашуршало, и сумка тихонько пискнула.

– Эх! – он глубоко вздохнул то ли с сожалением, то ли с облегчением, достал сигарету, медленно закурил, бросил спичку в тот же контейнер.

– Разве ж это люди? Это даже не звери, твари, – уже беззлобно констатировал он. – Нервы у меня не железные, а стресс доктора рекомендуют снимать.

Он задумался, покурив и, найдя выход из положения, направился в круглосуточный ларёк за бутылкой:

– Я человек культурный. Я не халявщик, я со своим всегда в гости...

Спрятав бутылку в карман и бережно придерживая её рукой снаружи, он бодро потопал в сторону, противоположную той, откуда пришёл.

Двор погрузился в тишину, иногда раздавался какой-то шорох, крысиный писк. Плешивая бродячая собака приковыляла к помойке. В поиске съестного она ворошила мусор, шелестела грязными пакетами, газетами.

Собака запрыгнула в контейнер и подобралась к спортивной сумке. Неожиданно сумка слегка зашевелилась. Собака принюхалась и тихо зарычала, в оскале обнажив жёлтые клыки. Затем понюхала сумку, опасно потыкала носом, потянула зубами за ручку. Из сумки разда-

лось какое-то мяуканье. Собака снова зарычала, быстро спрыгнула на землю и побрела дальше, потеряв интерес к этой помойке.

Начало светать. На землю лёг густой, холодный, грязно-серый туман.

Из подъезда дома, кутаясь в махровый халат, степенно выползла упитанная тётка с мусорным ведром. Она зябко передёрнула плечами, подобралась и энергично затрусилась к помойке. С размаху вытряхнула содержимое ведра в контейнер, оно смачно плюхнулось прямо на спортивную сумку. Тётка поспешила назад в тепло подъезда.

За утренним уловом на мусорке появился бородатый бомж. Он не мёрз, одетый сразу в две куртки ещё в самом начале зимы. Бомж постоянно кашлял и сплёвывал. Он деловито поворочил мусор возле баков и вытащил откуда-то из груды старые ботинки с протёртой подошвой. Прикинул размер и с досадой забросил в контейнер. Сумка снова пискнула. Бомж прислушался, подошёл поближе и заметил сумку. Заинтересовавшись её содержимым, он полез в контейнер, преодолевая прислонённый к помойке хлам и забористо матерясь.

Первое, что он увидел, приоткрыв сумку, была розовая вязаная шапочка, из которой выглядывало маленькое бледное личико новорождённого ребёнка. Кроха лежал с закрытыми глазами, как неживой. Потом вдруг приоткрыл синюшные губы, причмокнул и сложил язычок трубочкой, как будто ища материнский сосок.

Испуганный бомж резко отпрянул от контейнера, потерял равновесие и едва не упал. Он быстро подхватил свои пожитки и, не разбирая дороги, прямо по завалам мусора рванул прочь.

Во дворе снова воцарилась тишина.

Некоторое время спустя вернулась бродячая собака и, казалось, целенаправленно запрыгнула в контейнер. Она обнюхала сумку, тихонько поскулила, пробуя силы, а потом завyla, громко и тоскливо, обещая жителям близлежащих домов скорого покойника.

– Ах ты, bestия! Пошла прочь! – высунулась из окна давешняя толстая тётка. – Пошла отсюда, дрянная такая!

Она замахнулась на псину. Та в ответ выдала трель с подвыванием и закончила на высокой ноте в тон тётке.

Тётка шумно захлопнула окно и через минуту выскочила на улицу. Собака быстро сориентировалась и спряталась за контейнер. Вместо воя из-за мусорки раздался громкий лай. Тётка запустила в собаку камень, но промазала, и камень попал в сумку. Из контейнера раздался тихий детский плач. Женщина прислушалась и, чертыхнувшись, полезла в контейнер. Разглядев личико новорождённого, она на долю секунды застыла в ужасе, не веря своим глазам, а потом быстро схватила сумку и бегом рванула к подъезду:

– Люди, это что ж делается! – кричала она на весь двор. – Валя! Валя, вызывай скорую! И милицию! Милицию!

Через двадцать минут во дворе наперебой орали сирена подъехавшей неотложки и милицейского бобика.

Часть 1

Глава 1. Близнецы

Вера была беременна уже пятый месяц. Дольше скрывать беременность от матери было невозможно – у худенькой Веры животик торчал как мячик. Оставалось только удивляться, как Нинель Борисовна до сих пор не заметила. Если она увидит живот сама, будет только хуже, а в том, что всё будет плохо, Вера не сомневалась. До сих пор ей просто везло! Было удивительно, просто чуду подобно, что мать не ругалась, когда Вера привела домой зятя и попросила мать разрешить им у неё пожить. Мать даже не орала, пригрозила только, что дармоеда дома не потерпит. Сказала, что вообще не думала, что на Верку кто-то позарится. Условий сожителства было два. Первое – всё хозяйство по-прежнему остаётся на Вере. Завела себе мужа – сама о нём заботься, а родную мать забывать не смей. Мать работает, устаёт, дома ей нужны чистота и порядок. Вера, конечно, тоже работала и тоже уставала, но наваливать домашние хлопоты на мать, которая её одна вырастила, жизнь на неё растратила, Вера никак не могла. Да разве ей будет тяжело о двух любимых людях заботиться? Эти хлопоты Вере только в радость. Второе условие – никаких детей. Совершенно, абсолютно и никогда никаких детей.

Конечно, молодые согласились. Им, в общем-то, тоже было не до детей. Жили трудно, бедно. Мать работала на заводе мастером, зарплату постоянно задерживали. Отца никогда не было, у Веры даже отчество было, как у матери – Борисовна. Вера без образования никакой хорошей работы найти не могла, а об учёбе и речи быть не могло. Кто её кормить будет? Поэтому она работала в магазине уборщицей и мыла подъезды в своём и соседних домах за десятку с квартиры. А Вадик пока ещё был в поиске работы.

Но Вера забеременела. По глупости, неопытности и просто из страха делать аборт она опоздала. Да и денег на аборт взять было негде.

Мать, конечно, не убьёт. Но признаваться было очень страшно. Вера просила Вадика:

– Вадюша, может быть, ты с мамой поговоришь?

– Нет уж! – категорически отказывался Вадюша, не отворачивая головы от телевизора. – Ты залетела, твоё пузо, твоя мать! Тебе с ней и договариваться.

– Вадичек, но, может быть, ты хотя бы рядом со мной будешь? Мне было бы спокойнее. Ты же знаешь, беременным волноваться нельзя, – робко уговаривала его Вера.

– А мне можно?! Да?! Если я не беременный, то давайте, садитесь мне все на шею, треплете мне нервы! Нечего меня в свои бабьи дела вмешивать. Сами разбирайтесь.

Но нервотрёпки Вадика избежать не удалось. Вера призналась, а он оказался дома. Мать никого не убила. Отхлестала Веру по щекам так, что щёки три дня огнём горели.

– Вот вам бог, а вот вам порог! – Нинель Борисовна демонстративно встала в дверях и, поклонившись в пояс, указала траекторию движения. – Давайте выдвигайтесь! Женилки у вас выросли, детей делать научились? Значит, и содержать их тоже сумеете. Что сидим? Пакуйте вещи!

– Чистая ведьма, – подумал Вадик, глядя на тещу.

Нинель Борисовне шёл пятый десяток. Её высокая, дородная фигура источала здоровье. Иссиня-чёрные густые длинные волосы дома она заплетала в девичью косу и только на выход укладывала её в венец вокруг головы. Отдельные локоны выбились из причёски и прилипли к красному и вспотевшему от возбуждения лицу. Нинель подскочила к дивану и нависла над забившейся вглубь дивана Верой.

– Мамочка, пожалуйста, прости, но что теперь-то делать? Прости, мамочка, – повторяла перепуганная Вера.

– Что делать?! – брызжа слюной, орала мать. – Дурища! Ты почему молчала, до такого срока дотянула?! Пять месяцев! Ты знаешь, сколько теперь за аборт деньжищ отвалить придётся? Где тебе знать! Ты ж на всём готовом живёшь, дальше носа своего ничего не видишь! На еду денег не хватает! Твой дармоед даже на пиво у тебя деньги из кошелька вытаскивает! Вы у меня на шее оба сидите!

– Мать, не бушуй, ну так получилось, – примиряюще влез дармоед. За время ссоры Вадик успел сходить на кухню, принять сто грамм водочки от нервов и закусить солёным огурчиком.

– Что значит получилось?! Тебя предохраняться не учили? Хватит жрать, – переключилась на зятя тёща. – Ты в холодильник что-нибудь положи сначала! Как собираешься семью содержать? Ты ко мне в дом припёрся, я тебя не звала. Любовь у них, видите ли! Был договор, что никаких детей?

Глубоко забившись в диван, подтянув к животу колени, плакала Вера. Мать снова набросилась на неё:

– Так ты меня отблагодарила за бессонные ночи, за жизнь мою, на тебя растраченную?! Думала, хоть теперь смогу отдохнуть. Так нет! Вы мне орущего ссыкуна в подарок приготовили! Опять всё сначала?

– В общем, так, – переведа дыхание, заключила Нинель, – чтобы духу вашего в моём доме завтра же не было! Тебе, доченька, двадцать, выросла уже. Вот и топай теперь своей дорогой, хоть футбольную команду нарожай, только от меня подальше!

Вера поняла, что на сегодня мать выдохлась, и быстренько ускользнула в свою комнату. Засыпая, Вера думала о матери, старалась оправдать и на корню душила в себе поднимавшую обиду. Мама покричит и успокоится, она же добрая. Но ласки, понимания и сочувствия хотелось прямо сейчас. Она теснее прижалась к мужу. Однако он вспылил:

– Дура, у тебя только одно на уме, только бы ноги раздвигать! Уже нараздвигалась, одни проблемы от тебя!

Через какое-то время он передумал, посопел несколько минут и безмятежно заснул.

* * *

Нинель Борисовна лютовала ещё несколько дней. Потом постепенно успокоилась. Цена подпольного аборта оказалась немислимо высокой, рожать было дешевле. До восьми месяцев ситуация в семье была относительно спокойной. А потом гигантский размер живота Веры стал внушать Нинель определённые подозрения. Либо молодая беременная бестолочь, либо не менее бестолковые врачи что-то напутали в сроках, либо просмотрели какую-то патологию. Подозрения не подтвердились, и доктор радостным голосом поздравил молодую мать с ожидающейся двойней.

И тут все предыдущие истерики Нинель Борисовны показались молодым просто колыбельной. Она орала так, что Вера всерьёз опасалась, что мать хватит удар. А мать в душе надеялась, что Веркин слабый организм не выдержит стресса и выкинет этих трижды нежеланных младенцев.

Однако криком делу не поможешь, проблему как-то надо было решать и решать быстро. Проведя бессонную ночь, Нинель приняла единственное верное решение – собрала дочь и отправила к своей дальней родственнице в Климовку, одну.

Климовка – небольшая деревушка недалеко от города, всего полтора-два часа на автобусе. Однако ранней весной по размытым дорогам все три. Вера тряслась в автобусе, ей было очень плохо, огромный живот не давал дышать полной грудью, от долгого сидения болела спина, от тряски тошнило, на каждой кочке казалось, что на попе и спине появляются новые синяки. К родственнице она добралась едва живая. К вечеру Вере стало совсем плохо, и начались роды.

В районный роддом роженицу везли на узике, снова подбрасывая на каждой кочке. От страшной боли она впадала в беспамятство, потом эта же боль приводила её в сознание, и тогда Вера думала о своих детях-сиротах. Она была уверена, что не переживёт эту ночь.

Пережила. Очнулась Вера в реанимации с резиновой грелкой на животе, наполненной ледяной водой. Всё тело болело, каждое движение давалось с большим трудом. Медсестра рассказала, что Вере сделали кесарево сечение и у неё теперь есть сын и дочь. Дети, хотя и маленькие, всего по два килограмма, но вполне здоровые. Увидеть их можно будет только завтра, а сейчас надо отдыхать. Медсестра ставила капельницу, проверяла швы и рассказывала тихим ласковым голосом про деток, которые сегодня родились, про счастливых мамочек и новоявленных папаш, околачивавшихся под окнами больницы. Вера лежала на железной, провисшей кровати и чувствовала невероятное умиротворение. Слезы счастья незаметно катились из глаз, и Вера думала, что теперь в её жизни всё будет совсем по-другому, всё будет хорошо.

Выписали молодую мать только через десять дней. За эти дни спокойной жизни Вера похорошела, поправилась, на лице появился румянец. Муж с одобрением глядел на округлившуюся грудь. Нинель Борисовна критически осмотрела малышкой и брезгливо заметила:

– Оба живые? Какие-то синие задохлики... Хотя зря я надеюсь, эти недокормыши за жизнь цепляются. Их ничем не изведёшь, как тараканов.

Но Вера только улыбнулась. Мать рада, просто не умеет эту радость показать. Зато домой Вера с малышами поедет, как настоящая королева, на такси. Мать разорилась на автомобиль, и это лучше всяких слов говорит, как она любит дочь и внуков.

Домой приехали поздно вечером. Быстро зашли в квартиру, не встретив никого из соседей. Вера тут же принялась хлопотать, устраивая детей. Гордый отец семейства достал из холодильника пару бутылок пива и расположился перед телевизором, собираясь провести вечер с удовольствием. Вера и дети принесли в старую квартиру, очень давно не видевшую ремонта, тепло и уют.

Вера покормила детей, перепеленала, поставила два кресла и уложила в них спать малышкой ножками друг к другу. Получилось вполне удобно. Когда в комнату зашла мать, Вера взглянула на неё, ожидая одобрения. Та была спокойна и даже доброжелательна, поэтому Вера не сразу смогла понять смысл её слов:

– Покормила? Вот и хорошо. Теперь девку заверни потеплее, Вадик её к роддому отнесёт.

– Зачем? Она совсем здоровая. Доктор детей каждый день осматривал, они хоть и маленькие, но вес хорошо набирают.

– Это они на казённых харчах вес набирали, – усмехнулась мать, – а теперь худеть начнут. Собирай девку, я сказала.

– Мама! – схватилась за горло Вера. – Ты что?..

– А ничего! – зло прошипела мать. – Ты думала, я разрешу им тут жить? Глупая курица! Двоих не прокормим. Пацана оставим, может, хоть из него человек получится. Я сама его воспитанием займусь. А девку в роддом подкинем, её государство вырастит.

– Мам, холодно же, ночь... А если её не сразу увидят? – попыталась разжалобить мать Вера. – Можно было её сразу в роддоме оставить!

– Позора мне только не хватало! Чтобы все знали, что мы ребёнка бросили?! А если ты мне перечить вздумаешь, – приблизила к дочери перекошенное злобой лицо Нинель, – я её утоплю, вызову милицию и скажу, что ты, алкашка, её в ванне забыла! У тебя тогда и второго заберут. А тебя, убийцу, в тюрьму посадят! Я хоть поживу по-человечески. Ну? Даю пятнадцать минут на сборы.

Нинель вышла, а Вера упала лицом в кровать и горько зарыдала. Однако злить мать ещё больше она побоялась. Захлёбываясь в слезах, она склонилась над безмятежно спящими детьми, нежно погладила дочку. Девочка открыла глазки и совершенно осмысленно, понимающе посмотрела на маму.

– Что же мне делать, доченька? Она ведь и вправду утопить может, – Вера как-то сразу поверила Нинель Борисовне.

Дочь моргнула, и показалось, что на детском личике мелькнула ободряющая улыбка. Вера вдруг, на что-то решившись, вытерла слёзы и быстро поменяла на детях шапочки. Спящий сын оказался в розовой. Вера завернула его в одеяло, крепко прижала к себе и горячо зашептала:

– Прости, сыночек, прости меня! Ты мужчина, ты сильный, ты выдержишь! А девочки слабые, пусть твоя сестра со мной останется.

Вера вынесла младенца. Нинель Борисовна в это время наставляла подвыпившего зятя:

– Слушай сюда! Ты сейчас возьмёшь эту сумку и отнесёшь в ней одного ребёнка к роддому и там оставишь. Пойдёшь к роддому пешком, чтобы ни одна живая душа тебя не видела. Ты меня понял?

– Борисовна, ты что придумала! Да чтобы я собственного ребёнка выбросил! – взвился Вадик в праведном гневе.

– Я тебя не на мусорку отправляю, а к роддому! Там о ребёнке лучше позаботятся, чем вы два идиота! – завопила тёща и со всего маху врезала ему сумкой по лицу. – Ты подумал, на какие деньги ты двоих детей содержать будешь? Это они сейчас молчат, а через час они обгадят пелёнки, проголодаются и начнут орать на два голоса. Что делать будешь? Пеленать во что? Ты пелёнки купил? Бутылочки купил? Им кроватки нужны. Верка работать теперь не сможет. А на меня не рассчитывай, мне до вас дела нет!

– Что ж вы за люди такие, – пьяно всхлипнул Вадик, – всё только о деньгах думаете! А это же дети, это же эти... цветы жизни!

– Вот и перекапывай теперь то, что насажал, – трясла тёща перед лицом Вадика спортивной сумкой.

Потом она выхватила ребёнка из рук Веры, уложила его в сумку и вручила зятю.

– Вы же не люди, вы даже не звери! Пусть будет по-вашему, – смирился Вадик. – Но это ваш грех, вам с этим жить...

– И не будь дураком, – напутствовала его сразу успокоившаяся тёща, – иди пешком, оставишь сумку на пороге роддома. На глаза никому не попадайся. И пить больше не вздумай, тебе завтра сына идти регистрировать, свидетельство о рождении получать.

– И запомните, – с угрозой обратилась она к дочери и зятю, – у вас родился только один ребёнок. Второго никогда не было!

Вера разрыдалась и убежала в комнату. Она прижимала дочь к себе и шептала:

– Доченька, ты одна моя отрада осталась, одна моя радость. Мы с тобой всё выдержим. Я жить для тебя буду!

Вадик потоптался на пороге и унёс ребёнка.

Глава 2. Девочка с собачьей кличкой

Веру часто мучили ночные кошмары. Сюжетов было три, и они повторялись с изнуряющей регулярностью. В первом сне Вера видела серую улицу, по земле стелился густой, холодный туман. Прямо на мокром асфальте стояла чёрная сумка, в которой плакал младенец. Он был завернут в тоненькую пелёнку и замерзал. Вера ясно видела его бледное лицо и посиневшие губы. Он был так близко! Вера тянула к нему руки, чтобы поднять и согреть. Но что-то ей мешало, руки немели и не слушались, сумка была неподъёмно тяжёлой, молния не открывалась. А плач становился всё слабее и затихал. Когда Вера, наконец, исцарапав руки в кровь об острую молнию, доставала ребёнка, то видела мёртвого малыша с остекленевшими глазами. Она плакала, прижимала его к себе, растирала ледяные ручки, пыталась согреть их своим дыханием и в ужасе просыпалась.

Во втором сне она видела маленького мальчика, который с каждым новым видением рос, так же как и её дочь, ему был год, потом два, пять. Это был очень худой измождённый мальчик, он сидел, забившись в угол, в какой-то мрачной грязной комнате. Очень одинокий. Он тихонечко плакал и звал маму, но приходили другие дети, они смеялись над ним и толкали. Вера звала его, кричала, что она рядом, а он не слышал и только ещё горче плакал.

Третий сон был одновременно мучительным и дарил почти физическое удовольствие. Вере снился тот день, когда мать забрала у неё сына. Мать приказывала отдать ребёнка, а Вера заслоняла его собой и говорила, что никто и никогда не сможет его у неё отнять. Она вырастит его сама, ни в чьей помощи не нуждаясь. Ради своего сына сможет вынести любые лишения и тяготы. И Вера даже не подумает выметаться из квартиры, как требует мать, потому что она здесь прописана, это её дом тоже. Она выгоняла мать из комнаты, толкала в спину со всей силы, на которую была способна, била кулаками по спине... Но винила Вера в своей беде мать, только когда спала. Наяву эти мысли она себе запрещала. В том, что Вера слаба и безвольна, не виноваты ни мать, ни муж.

Чувство вины занимало все её мысли и поработило чувства. Вера не могла дарить свою материнскую любовь дочери, не могла исполнить обещание, данное в тот страшный день, когда она выбирала, которого ребёнка оставить себе. Как только хотела приласкать дочь, сразу видела маленького одинокого мальчика, который обиженно говорил ей: «А меня никто не любит, меня бросили, я никому не нужен...». Брат, о существовании которого девочка даже не подозревала, постоянно присутствовал в её жизни.

И всё-таки Вера ни разу не попыталась что-либо узнать о судьбе своего сына.

* * *

Нинель Борисовна велела оставить мальчика. Из двух зол следовало выбрать меньшее. Мальчика растить, по её мнению, было проще и дешевле. Вера послушалась, а расплачивалась за это её дочь, которая часто была бита по поводу и без.

Назвала Вера дочь Джулией, так записали в свидетельстве о рождении. Хотела, чтобы красивое имя принесло дочери необычную счастливую судьбу. Дома девочку называли Юлей, а Нинель Борисовна из иностранного имени сделала собачью кличку и иначе как Жулькой внучку не звала.

– Жулька, дрянь такая! Ты что натворила?! Ты зачем очки содой натёрла?! – схватила Нинель внучку за плечо и с силой потянула вверх.

– Бабулечка, я помыла их, чтоб блестели, они у тебя выпачкались! Мама раковину содой натирает, чтобы она блестела, и я так сделала-а-а-а, – ревела Юлька.

Если бы Юлька в свои пять лет весила чуть больше, чем щенок средней породы, рука выскочила бы из сустава. Бабулечка тянула вверх так, что Юлька вытягивалась в струнку на цыпочках, чтобы не отрываться от пола, и всё равно периодически подлетала и застывала в воздухе. Больно не было, потому что было страшно. Бабуля была похожа на ведьму из книжки, не на Бабу-ягу, а на ведьму. У неё была чёрная коса, как змея, чёрные глаза, длинный нос, только без бородавки. Но Юлька догадывалась, что где-то бородавка – верная примета ведьмы – непременно есть, но бабка её маскирует всякими женскими хитростями.

– Верка, ты почему за ребёнком не следишь?! – орала бабка. – Она мне линзы исцарапала содой! Ты знаешь, сколько новые очки стоят?! Одни убытки от вас!

Бабуля брезгливо осмотрела внучку с ног до головы:

– Нарожают засранок, а ума дать не могут. Ты эту лахудру причесать и умыть не можешь, что ли?! Посмотри на неё, волосы скоро колтунами возьмутся, на платье пятна!

Она отшвырнула Юльку и переключилась на Веру.

Юлька шустро заползла в свой угол и почувствовала себя в безопасности. Это небольшое пространство, угол между кроватью и окном, было Юлькиным местом. Главное – туда добраться, и тогда уже можно ничего не бояться. Бабка в угол лезть не хотела. А если уж была настолько зла, что не ленилась и тянула руки за Юлькой, то можно было сразу юркнуть под кровать, оттуда бабка её вытащить не могла. Она несла швабру, становилась на одно колено, громко пыхтела, ругалась и тыкала шваброй наугад, но маленькая Юлька легко уворачивалась.

Это место было безопасным, потому что было волшебным. Вечером сквозь окно падал солнечный луч и как будто отсекал Юльку в её укромном уголке от всего мира. Юлька смотрела, как в луче света кружились, мерцали серебром пылинки. Сквозь этот луч не могли проникнуть ни бабка, ни мама, ни отец. Даже звуки сюда как будто не проникали. Юлька поджимала коленки, клала на них ладошки, упиралась подбородком и следила за своей семьёй, как в кино, сквозь призму луча. Бабка орала, мама плакала, отец грызался. Юльку это совсем не трогало, она даже могла заснуть под эту какофонию.

Несмотря на веру в волшебный луч, Юлька считала себя девочкой здравомыслящей. Например, в деда Мороза она не верила никогда. Он ей на Новый год подарки не дарил. Дарила мама, всегда что-нибудь нужное – носки, майку или пижаму. Но вот ведьмы – это объективная реальность. Бабка ей сама об этом сказала. То, что бабка – ведьма, объясняло абсолютно всё. Она была злой и вредной. Бабка заколдовала маму, поэтому, когда Юлька к ней ластилась, мама становилась как деревянная, сидела и терпела, пока у Юльки не пройдёт приступ нежности. Бабка заколдовала папу, поэтому он был равнодушным и замечал Юльку, только когда нужно было переключить телевизор. Юлька для него это делала с радостью. Но потом купили новый телевизор с пультом, и общение с отцом сошло на нет.

Но наверняка Юлька убедилась, что бабуля – ведьма, когда ей было лет семь. Было лето. Бабка взяла Юльку с собой в деревню Климовку. В этой деревне бабка родилась. Даже какая-то родственница здесь жила, но бабка с ней почему-то зная перестала. В двадцать лет Нинель уехала в город и вернулась, только чтобы похоронить свою мать. Когда дом опустел, бабка стала иногда приезжать в Климовку. Зачем? Не понятно. Старый дом она обживать не хотела. Он стоял с заколоченными окнами, сырел, оседал в землю и зарастал сорной травой. Дом Юльке казался живым, он скрипел, шуршал, жаловался на свою заброшенность. Дом чах, а бабка в родной деревне молодеда и... даже добрела.

Бабка собралась за травами, Юлька с ней. Только, говорит, надо дом закрыть. Дала Юльке амбарный замок и ключ, а сама куда-то за дом ушла. Юлька замок на дверь повесила, ключом закрыла. Тут вдруг кто-то как застучит кулаком в дверь изнутри. Юлька со страху чуть не умерла. А это бабка кричит: «Жулька, дура, зачем ты меня в доме закрыла?!». У Юльки чуть сердце не выскочило, она ключ схватила и давай замок открывать. Руки трясутся, не слушаются, пока с замком возилась, бабка как ни в чём не бывало к ней из-за спины подходит и

говорит: «Сколько тебя ждать можно, ума нет замок закрыть, что ли?». Юлька аж подпрыгнула и ключ выронила! «Дура косорукая! – кричит бабка, – мы так до вечера ничего не успеем». А сама довольная, хихикает.

Дом задней стеной выходил в лес. Там даже окон не было, только дикие заросли и старая, развалившаяся баня в отдалении. Как бабка в дом попала, Юлька понять не могла. Одно слово – ведьма.

Потом они пошли в лес.

Ах, какая благодать была в лесу! Летняя жара под сенью деревьев отступила. Солнечные лучи, проникающие сквозь кроны деревьев, как сквозь кружево, ласкали стволы, листву, тепло прикасались к коже, будто целовали. Лёгкий ветерок прогонял тепло, дарил свежесть. Наперебой гомонили птицы, озорно и радостно. Тропинка извивалась вглубь леса, обещала что-то новое.

Бабка была на удивление благодушно настроена. Когда углубились в лес, стала рассказывать про грибы, травы, которые встречали.

– Жулька, возьми лопатку. Видишь, там, по правую руку цветочки жёлтенькие? Это завязный корень, или его ещё шептухой зовут. Подкопай и корень выдерни. Высушим, будем зимой настаивать и горло полоскать. Лекарств на вас не напасёшься!

– А вон на берёзе чага растёт, посмотри, какой крупный гриб, – показывала бабка на толстый берёзовый ствол с тёмно-коричневым наростом. – Сейчас я его срежу. Буду отвар делать и пить от желудка.

Бабка ловким движением срезала гриб с берёзы и бросила в корзину.

– О, а это для тебя специально, папоротник! Будешь с котами и собаками дворовыми целоваться, у тебя глисты заведутся. Я тогда тебя заставлю неделю папоротник жевать, пока их не вытравишь. А он горький!

– Подумаешь, – усмехнулась про себя Юлька, – папоротник какой-то! Может быть, он и ничего на вкус. Можно и пожевать. Лишь бы бабка кошку с котятами, которые в подвале живут, и собаку Кузьку не трогала, а то всё обещает, что отравит.

Бабка будто прочитала Юлькины мысли.

– А это крысятник сизый, – указала бабка на редкие кустики с узкими листьями и мелкими синими ягодами. – Да не хватай! Он ядовитый. Им можно целую деревню отравить, если десяток ягод в пирожки добавить или листья помолоть и в хлеб запечь. Сильная трава. Из него отраву для крыс готовили, поэтому так и называется.

Бабка критически оглядела Юльку, сомневаясь, стоит ли ради такого слушателя силы тратить. Внучка глядела на неё, раскрыв рот, и бабка сжалилась.

– Расскажу тебе про крысятник историю. Жила у нас в деревне Алька, Алевтина. Очень красивая девка. Цены себе сложить не могла. Родители ею гордились, наряжали. Жениха достойного подобрать никак не могли. Дело сразу после войны было, парней мало. Замуж её звали, но она деревенскими брезговала, смеялась над ними. Возвращалась как-то Алька домой из гостей поздно вечером. Мужик пьяный ей встретился и, походя, её насильничал. Она себя как царица носила и для принца берегла, а тут пять минут, фингал под глазом, космы повыдёрганые и пузо в перспективе. Никаких тебе церемоний.

– Бабушка, как это «насильничал» и «пузо в перспективе»? – не поняла Юлька.

– Вот дура! – бабка отвесила ей несильный подзатыльник. – Какие вопросы мне задаёшь?! То и значит, что ребёнка ей сделал без её согласия. А потом ещё и на всю деревню ославил, мол, Алька ему сама на шею вешалась, на сеновал пьяного заманила. Он хоть и женатый был, но очень ему похвастать хотелось, что такая девка ему отдалась. И доказательство есть – беременная она от него. Такой он мужик необыкновенный! Даже жены не побоялся. А жена его поддержала, после войны мужиками не разбрасывались, тоже стала сплетни по деревне распускать. Она же на ком-то должна была свою злость и ревность выместить. Отец Алькин позор

терпеть не стал: «Сучка не захочет, кобель не вскочит». Он Альку плёткой отходил, через всю деревню прогнал, как потаскуху, и в дом больше не пустил. Разобрался! Гордый такой! Пришлось Альке в бане жить. Страшная она стала, перестала мыться, хоть и в бане жила, волосы нечёсанные, ногти обкусанные, чёрная вся. Однако из дому-то её выгнали, а от работы домашней не освободили. Вот она на праздник хлеба и напекла. Есть такой праздник, когда надо хлебом соседей угощать.

– Как праздник называется? – спросила Юлька, пока бабка сделала паузу.

– Никак! Не перебивай! Родители Алькины так хотели соседей умаслить, что ходили со своими хлебами по всей деревне и гостинцы раздавали. После этого стали люди в деревне болеть. У кого просто живот скрутило, а у кого жар и кровавый понос начался.

– Почему болеть стали? – не поняла маленькая Юлька.

– Вот бестолковая! Да потому что Алька крысятник в хлебе запекла. А тогда хлеб из всякой дряни пекли, время-то голодное. Вот никого странный вкус и не удивил, – снизошла до объяснений бабка. – Доктор больных от поноса лечил и говорил, что это инфекция от грязных рук. Потом двое померли, у них припадки перед смертью были – в судорогах корчились, глаза стеклянные, слюни изо рта текут... Фу, гадость какая! Тогда люди стали шептаться, что это «злые корчи» от крысятника. Тут мытьё рук не поможет. Алькины родители тоже один за другим померли, тяжело умирали. Люди говорили, что мать перед смертью сперва в ногах у дочери ползала, прощения просила, а потом прокляла. В семье насильника стали болеть, и он тоже. И вот как он помер, так Алька и расцвела снова. В дом перебралась, материны сундуки выпотрошила, приделась. Ещё краше стала, чем была. Высокая, статная, талия осиная, коса длинная, рыжая. Только глаза чёрные, злые. Теперь никто её позор вспомнить не смел, боялись.

Бабка остановила свой рассказ и задумалась.

– А дальше что? – тихонечко, чтоб не разозлить, напомнила о себе Юлька.

– Попытались было власти разобраться, отчего столько народу в деревне умерло. Приехал следователь из города. Сунулся к Альке. Она его как дорогого гостя встретила. У неё уже пузо выше носа было, а выглядела как королева. Этот следователь к ней потом зачистил, да так и остался. Все надеялись, что Алька с этим начальником из деревни уедет, а она так всю жизнь тут и прожила. Ухажёр на ней женился. Председателем колхоза стал. Такой был домовитый, хозяйственный, предусмотрительный. Всё в дом, всё для Алечки. Алька всю жизнь как сыр в масле каталась. Её спрашивали, почему в город ехать не захотела. А она говорит, зачем где-то счастья искать, если у меня тут вся деревня в кулаке. Это точно! На неё глаза поднять боялись. Она действительно в травах хорошо разбиралась. А что наговоры знала или порчу навести могла, я не верю. Люди из страха придумали, а она им подыграла. Так и надо. Боятся, значит, уважают.

– А кто у неё родился, бабушка? – спросила Юлька.

– Кто родился? – ухмыльнулась бабка. – Я и родилась. Муж Алькин меня удочерил, отчество своё дал. Добрый мужик был, жалел меня. А Алька меня не любила. Говорила, как на меня посмотрит, так насильника своего видит. Плевала мне вслед...

Горечь послышалась в голосе бабки, и Юлька непроизвольно потянулась к ней, хотела взять за руку.

А бабка засмеялась, руку оттолкнула:

– Что это ты?! Сопли тут разводить собралась? Алька матерью плохой была, но жизни меня научила. И ты, Жулька, смотри, будешь мне мешаться, я долго думать не стану. Я тебя чаем напою с белладонной. Или пирог испеку с крысятником. А то и вовсе мудрить не буду, брошу тебя сейчас здесь, и ты никогда из лесу не выберешься. Ты пока уши развесила, я тебя далеко увела.

– Не надо, бабулечка, я честное слово слушаться буду! – сдерживаясь, чтобы не зареветь, тут же поверила ей Юлька.

– А ты лицом в Альку пошла. Такая же рыжая! Тьфу ты, напасть какая! Как на тебя гляну, так её вспоминаю. Вырастешь, такой же ведьмой будешь. У нас в семье все ведьмы. Верка только не удалась. А?! Говори, будешь ведьмой?! – засмеялась бабка, схватила Юльку за шиворот и встряхнула.

Вот тогда Юлька испугалась по-настоящему. Оказывается, у неё в семье все ведьмы и у неё такая судьба. Она зажмурила глаза, скрутила за спиной две дули, так сильно, что пальчики побелели, и пообещала бабке:

– Стану, бабулечка. Ты же меня научишь?

И тут же про себя поклялась никогда не быть ведьмой. Может быть, волшебницей, чуть-чуть и обязательно доброй.

Несмотря на все страхи, что пережила Юлька, в лесу ей понравилось. С тех пор бабка стала иногда брать её с собой в лес, но больше о себе никогда ничего не рассказывала.

* * *

Жизнь стала постепенно налаживаться, когда Юлька пошла в школу. Она даже могла точно сказать, с какого момента бабка перестала её бить.

Скандалы в семье случались регулярно, но в тот раз бабка разошлась не на шутку. Юлька уже заползла под кровать. Мама плакала и пыталась успокоить бабку. Та не обращала на неё никакого внимания, целью был отец.

– Ты не мужик! – орала бабка.

Вадик сидел перед телевизором. На журнальном столике была разложена газета, на ней вперемешку валялись сушёная вобла, рыбы кости и шкурки, стояла наполовину опустошённая трёхлитровая банка пива, купленного на розлив из бочки. В комнате нестерпимо воняло кислым пивом и рыбой.

Вадик пытался не обращать на тещу внимания, молчал и пил пиво из чайной чашки. Но красное лицо выдавало его эмоции.

– Ты даже пиво не на свои деньги жрёшь, у жены из кошелька последнюю мелочь вытряхиваешь! – продолжала бабка. – Тебе бы только глаза залить и больше ничего не нужно! Зачем ты здесь живёшь?! Какой от тебя прок?! Только продукты переводишь и унитаз пачкаешь! Всё, Вадик, хватит! Или деньги в дом приноси, или убирайся. И приплод свой с собой забирай!

Юлька под кроватью стала дышать через раз, что приплод, это она, ей было уже известно, и уходить с папой куда не хотелось.

– Вадик-Вадик, – передразнил бабку зять. – Где зарабатывать? Столько, сколько вам надо, я никогда не заработаю! Хоть спать и есть перестану! Как вы мне надоели все!

– А мне всё равно, где ты деньги возьмёшь! Вон почтальонша пенсию разносит, одна с деньгами ходит. Заработай, укради! Если ты мужик, ты семью содержать должен!

Вдруг бабка оборвала крик, подскочила к столику и со всего маху опрокинула его прямо на зятя.

Вадик остолбенел. Он сидел на диване с изящной чайной чашкой в руке весь залитый пивом и в рыбьей чешуе.

– В общем, так, – упёрла руки в бока теща, – или ты, Вадик, мужик и добытчик, или ты импотент и ничтожество по жизни. Тогда убирайся!

Морда у Вадика просто запылала, глаза стали бешеными, руки сжались в кулаки, и Вера испугалась, что он сейчас кого-нибудь убьёт. Однако он глубоко задышал, разжал руки и молча пошёл в ванную, прямо по разбитому стеклу босиком. Смыл пиво и ушёл, громко хлопнув дверью.

Вернулся Вадик под утро, совершенно пьяный. Не разуваясь, прошёл прямо в комнату к бабке.

– На, Борисовна, подавись, только отстань от меня! – он вытаскивал из карманов и бросал бабке в лицо грязные скомканные деньги.

– Сколько здесь? – спокойно поинтересовалась бабка, усаживаясь удобнее в кровати и совсем не обижаясь на хамство зятя.

– Я откуда знаю, я их не считал!

Бабка деловито разровняла купюры, разложила их по достоинству, быстро посчитала, поплевав на пальцы.

– Молодец!

– Вадик, ты где их взял? – испуганно прошептала Вера, прибежавшая на шум.

Вадик не успел ответить, как его опередила тёща:

– Тебе какая разница, дура! Чего стоишь столбом?! Мужик домой пришёл с заработком, устал, быстро на стол накрывай.

Вадик ошалело посмотрел на тёщу.

Вера быстренько накрыла на стол, тёща поставила в центр стола запотевший графин с водкой и собственноручно отодвинула стул, приглашая зятя присесть.

С тех пор в семье появились деньги. Сначала купили новый телевизор, потом сделали ремонт, потом у отца появилась машина, потом переехали в новую большую квартиру. Когда квартиру поменяли на загородный дом, жить стало совсем спокойно. Большой дом позволял видеть родных не каждый день. Юлька привыкла жить рядом, но не вместе. Она даже была рада равнодушию близких, потому что от их участия ничего хорошего ждать не приходилось. Бабка так наладила жизнь, что мать была занята только домом. Все её усилия были направлены на создание комфорта для бабки и мужа. Отец уезжал в какие-то командировки, иногда ходил на работу, но чем он занимался, интересоваться в семье было не принято.

Юлька была предоставлена самой себе. Она старалась помогать маме по хозяйству, но та мало замечала помощь дочери: помогает – хорошо, не помогает – сама сделаю. Юлька очень жалела маму. Если бы только она позволила, то Юлька была бы самой любящей дочерью на свете.

Отец не замечал Юльку до четырнадцати лет. Но однажды он вместе с мужиками парился в бане, и у них зашёл разговор о детях.

– Представляете, мужики, приходит ко мне сын и заявляет, что ему через полгода восемнадцать стукнет, все его друзья на машинах ездят, он один, как лох, пешком ходит. Надо, короче, на тачку раскошелиться, – рассказывал приятель. – Ну, давай, говорю, пока учиться будешь, «Шкоду» тебе купим. А он мне говорит, что он на «Шкоде» позориться перед пацанами не будет. Для его репутации будет незачем ездить на BMW. Нет, вы представляете, какой нахал!

– А ты что? – интересовались друзья.

– А что я? – с затаённой гордостью жаловался тот. – Купил, конечно, BMW. Это ж сын! Наследник!

– А если разобьёт? – спросил Вадик.

– Ну, поору для порядка и новый куплю, – рассмеялся приятель. – Что мы молодыми не были, что ли?!

– Сыну автомобиль на совершеннолетие – это не роскошь, это нормально. Пацану машину купил – он и успокоился, – махнул на друзей другой собутыльник. – А у меня дочь! Ей мало автомобиля. Ей важно, какая коллекция на ней надета, когда она в этом автомобиле едет. Вечно в зеркало на себя пялится, вместо того чтобы на дорогу смотреть! Приходится ей каждую весну и гардероб, и машину обновлять. Но красавица она у меня зачётная!

Вадик вдруг осознал, что о своей дочери не может сказать ничего. У его приятелей дочери – красавицы, требуют у папаш украшения, наряды. И ему вдруг очень захотелось вот так же

с лёгким пренебрежением сказать: «Моя дочь вчера просила её в Милан отправить за новой коллекцией. А я разве могу моей красавице отказать?».

Явившись домой, он как будто впервые увидел Юльку. Она была рыжей нескладной худенькой девочкой. Миланская коллекция на ней смотрелась бы как седло, но не на корове, а на оленёнке Бэмби. Лицо усыпано неэстетичными веснушками и подростковыми прыщиками. На носу очки. В тот день Вера получила от мужа нагоняй за дочь, которую людям показать стыдно. Вадик что-то кричал с пьяных глаз про Милан. Юлька, закрыв глаза, кинулась в омут с головой и попросила отца оплатить ей языковую школу, но не в Италии, а в Англии. Отец расsvирепел и сказал, что на всякие глупости он деньги тратить не собирается. Пусть Юлька дурака ищет в другом месте.

Бабка наблюдала это со стороны, не вмешиваясь, а потом между делом бросила:

– Вадик, если уж дочь у тебя уродина, так пусть хоть умная будет. Оплати ты ей курсы языковые, только тут, на родине. Ишь ты! Англию ей подавай!

Английский Юлька выучила, потом и немецкий. Школу окончила с золотой медалью, университет – с красным дипломом, потом в аспирантуру поступила. А чем ей ещё заниматься? Только своей собственной персоной. Она никому не нужна, да и ей никто не нужен.

Глава 3. Мальчик в розовой шапочке

– Господи, ты посмотри, какой маленький, какой хорошенький, какой лапушка, – причитала над малышом молоденькая медсестричка. – Это его позавчера на помойке нашли? Вы ж как раз дежурили, Марина Петровна.

Марина Петровна, медсестра со стажем, привычными движениями распеленала мальчика, обмыла его, смазала складочки прокалённым растительным маслом, запеленала. Несмотря на энергичные манипуляции, ребёнок не плакал, только кряхтел. Марина Петровна улыбнулась малышу, чуть-чуть покачала в своё удовольствие и уложила в кроватку.

– Марина Петровна, дайте я его покормлю и покачаю. У-у-у, какой хорошенький!

– Не надо, Катюш, корми в кроватке. Не балуй. Смотри, какой он довольный, к рукам привыкнуть не успел ещё. Не надо приучать, он спокойнее будет.

Катюша дала малышу бутылочку и вздохнула:

– Не понимаю, откуда такие люди жестокие берутся? Как только рука поднялась такого крошечку бросить? Ему ж чуть больше недели, да? Только на свет народился, а уже такой несчастный, горемыка.

– Ничего ты, Катюша, в жизни не понимаешь. Да он настоящий счастливчик.

Катюша в удивлении подняла глаза от ребёнка и посмотрела на старшую подругу.

– Ничего себе – счастливчик!

– Да, счастливчик! Ты только представь, он пережил ночь в мусорном контейнере, собаки, крысы, бомжи... И главное – он не замёрз, даже не заболел. Всё у него теперь хорошо будет. Посмотри, какой хорошенький. Да его через неделю какая-нибудь бездетная семья усыновит и будет любить. А иначе он со своей мамашей-алкашкой не жил бы, а страдал.

– Вы её знаете, что ли? – всплеснула руками Катюша.

– Что ты! Откуда мне её знать? Но разве нормальная мать своего ребёнка на помойку выбросит? Значит, какая-то совсем ум пропившая дрянь. Совершенно нищая. Он завёрнут был в пелёнки стиранные-перестиранные, и шапка на мальчишке розовая старая. Сколько девочек её носили до этого, никто не сосчитает. И знаешь, – задумалась Марина Петровна, – если у этой кукушки ещё дети остались, вот они и есть настоящие горемыки.

* * *

Марина Петровна оказалась не права. Через неделю малыша не усыновили. Он попал в детский дом. Но без везения тут тоже не обошлось. Потому что в этом детском доме директором была тётя Люся, или мама Люся, как дети часто её звали, особенно малыши. Семьи собственной у неё не было, вернее, была и очень большая. Детский дом был для неё самой настоящей семьёй. Сама воспитанница детского дома, она всю жизнь посвятила своей работе. Поэтому в её доме было светло, чисто, сытно и уютно. Воспитатели, прошедшие жёсткий отбор мамы Люси, были людьми не случайными, дарили детям душевное тепло. Здесь отмечали праздники, дарили подарки, спонсоры оплачивали ежегодный отдых на море, экскурсии. В день рождения именинник получал свой законный торт со свечками и подарок. В общем, здесь жили счастливые дети, насколько это возможно, если у каждого малыша за плечами уже была непростая история. Мальчишку, найденного в мусорном баке, назвали Станиславом, фамилию дали Вертинский. Отказникам, которым не доставалась фамилия родителей, здесь давали фамилии знаменитостей. В детдоме жили Тодоровский, Утёсов, Цветаева, Люба Орлова – круг интересов сотрудников детдома был широким.

Время от времени в детский дом приходили разные дяди и тётки. Они притворялись гостями на празднике или просто оказывали какую-то посильную помощь детскому дому, что-

то красили, что-то чинили и между делом общались с детьми. Обычно усыновляли малышей, но старшие дети тоже надеялись обрести семью, поэтому всячески старались понравиться гостям.

А Стасик не старался, потому что не надеялся. Его всё равно не выберут. Во-первых, он уже старей, ему уже семь лет, а после пяти уже никого не выбирают. Во-вторых, он толстый, в-третьих, рыжий. Поэтому, когда в детском доме периодически стала появляться женщина с глазами, в которых прятались смешинки, Стасик никаких специальных усилий к общению с ней прилагать не стал. Она не просто приходила, она помогала на кухне, занималась уборкой, иногда с ней приходил серьёзный бородатый мужчина. Ходили они долго и никого из детей особенно не выделяли.

Однажды они пришли втроём. С ними был ещё мальчик лет четырнадцати. Он был совсем не красивый, обычный подросток: долговязый, нескладный, длинные руки, которые некуда девать, взъерошенные волосы и смешинки в глазах, как у матери. Стасик подумал, если они любят такого некрасивого мальчишку, то, может быть, и Стасик не показался бы им совсем уродливым. Сначала ему было просто интересно наблюдать, и он пошёл за ними следом, проводил до кабинета директора. По пути они останавливались, здоровались, разговаривали со знакомыми воспитателями, нянями. Взгляды, улыбки, прикосновения, которые они дарили друг другу, выражали любовь. Они как будто были здесь и сейчас, внимательно слушали окружающих, разговаривали, шутили, улыбались и при этом были только втроём, интуитивно понимая мысли и чувства друг друга.

Стас вдруг им позавидовал. Неожиданно для себя, до дрожи в коленях, до слёз и судорог в горле он захотел быть одним из них. Он пытался взять себя в руки, не выдать своего желания, злостью старался подавить его:

– Ходят тут, пялятся, как будто в магазин пришли игрушку себе покупать!

Он развернулся и убежал в игровую, там бродил по комнате, брал какие-то игрушки, тут же клал их на место, спотыкался, не замечал вопросов, которые задавали друзья. Потом вдруг с преувеличенным интересом хватался за карандаши, пытаясь что-то нарисовать, но усидеть на месте не мог.

Когда через полчаса пришла няня и повела Стасика в кабинет к директору, он испытал настоящий шок. Из глубины души стремительно поднялась давно загнанная вглубь надежда: «Они пришли, чтобы забрать меня с собой, это моя семья!» Если бы эта надежда сейчас не оправдалась, Стасик, наверное, умер бы от разрыва сердца!

Он со страхом постучал в дверь кабинета мамы Люси.

– Проходи, Стасик, не бойся! – она встала ему навстречу, подошла, взяла за руки, села на диван и его усадила к себе на колени, как маленького, почувствовала, как сердце выскакивает у него из груди, и крепко обняла.

– Стасик, не волнуйся, ну что ты такой надутый, – она нежно взъерошила ему волосы, стараясь немножко успокоить. – Я хочу тебя познакомить с Марией Николаевной, Александром Фёдоровичем и Ромой. Но, я думаю, с Марией Николаевной ты знаком.

Стасик согласно кивнул.

– Так вот, они хотят попросить тебя поехать к ним в гости на выходные, – продолжала мама Люся, – как ты к этому отнесёшься?

Стасик снова судорожно кивнул, в горле пересохло, и он не мог выдать ни слова.

– Ну вот и замечательно! Вы тут пока пообщайтесь, а я пойду распоряджусь, чтобы няня собрала твои вещи.

Мама Люся встала и между словами налила стакан воды Стасику.

– Выпей, наверное, горло пересохло, – сказала она, протягивая стакан.

* * *

Стасик побывал в гостях у Сергеевых только три раза. Они не стали брать время на раздумья, время, чтобы узнать ребёнка лучше. Опекун оформлять тоже не стали. Они сразу усыновили Стасика, и он стал Сергеевым. Мария Николаевна сказала, что они нашли своего второго сына. А сын – это сын, его не меняют, не возвращают, ребёнок появляется навсегда.

Последний свой детдомовский страх Стасик испытал в тот день, когда его забрали из детдома совсем. Ему сказали, что сегодня Мария Николаевна приедет за ним и заберёт. Он не спал ночь, проснулся ещё затемно, умылся, почистил зубы, оделся и устроился у окна, из которого была видна подъездная дорога. А Мария Николаевна всё не ехала. Дети уже позавтракали, дело шло к обеду, когда наконец-то она появилась. Стасик побежал к ней навстречу, но разминутся с ней. Мария Николаевна почему-то не стала подниматься за ним, а пошла в кабинет к маме Люсе.

– Они передумали меня забирать! – волна паники захватила Стасика, и он побежал следом за Марией Николаевной. Рискуя быть пойманным за неблаговидным делом, он прикинул ухом к двери директорского кабинета.

– Людмила Андреевна, – услышал Стасик голос своей будущей мамы, – я бы хотела что-то узнать о прошлом Стасика. Я понимаю, что эти сведения нельзя разглашать, но мне нужно знать, есть ли опасность, что через некоторое время появятся его биологические родители. Они могут потребовать, например, своего присутствия в его жизни или даже захотят его забрать. Вряд ли это благополучные люди. На нашем решении его усыновить это никак не скажется, Стасик – мой сын, но если есть возможность оградить его от проблем... Хотя это не подходящее слово, это не проблемы, это боль и самые настоящие страдания. Одним словом, я бы хотела его защитить от этого.

– Мария Николаевна, думаю, вам нечего опасаться, – потупила глаза, как будто испытывала неловкость, мама Люся. – У Стасика совершенно чистая биография, никакой истории нет. Естественно, какие-то родители у него были, но о них ничего не известно. И, уверена, что им тоже ничего о судьбе мальчика неизвестно и... неинтересно. Они никогда не смогут его найти. Дело в том, что ребёнка выбросили.

– Как выбросили? – не поняла Мария Николаевна.

– Вот так! За ненадобностью сунули в сумку и отнесли на мусорку. Ему было не больше недели, наверное. То, что он остался живым, настоящее чудо. Это было ранней весной, и он целую ночь пролежал в мусорном контейнере.

– Господи, – выдохнула Мария Николаевна, – несчастный ребёнок.

Стасик едва успел отскочить от двери, когда Мария Николаевна вышла из кабинета. Увидев Стасика, она натянуто улыбнулась и часто заморгала, прогоняя слёзы.

– Ну что, сынок, поехали домой?

Стасик крепко вцепился в её руку и согласно закивал головой:

– Поехали, я только вещи возьму. Я быстро!

– Да ну их эти вещи, лучше пойдём быстрее в машину. Там Александр Фёдорович и Ромка нас заждались уже.

Пока они шли к машине, она обнимала его, гладила по голове, крепко сжимала руку. Стасик держал её за руку и улыбался. История, которую он подслушал, не произвела на него никакого впечатления. Счастье от того, что у него теперь есть семья, заслонило собой все другие чувства.

Стасик привыкал к семье непросто. Конечно, семилетний ребенок не анализировал свои желания, зато он чувствовал и интуитивно понимал, что для него хорошо. Ему нужно было стать совсем своим для Сергеевых. На меньшее он не был согласен. Он хотел понимать значе-

ние взглядов, чувствовать настроение, привычно принимать прикосновения и ласку, как что-то само собой разумеющееся, а не обмирать от счастья и восторга каждый раз, когда новая мама погладит по голове или папа, шутя, хлопнет по спине. Он хотел впитать их привычки, даже их запахи. Ему очень нравилось, как пахнет мама. Это была особенная смесь ванили – так дивно пахло на кухне, когда она пекла булочки или бисквиты – и какого-то женского парфюма, помады, пудры.

Первое время Стасик дома один не оставался. Всё-таки он был ещё маленький. А ему было необходимо осмотреться в доме, узнать каждый уголок, чтобы дом стал ему сначала просто привычным, а потом родным. В присутствии семьи он смущался проявлять излишнее любопытство. В один из дней Стас был дома с Ромкой и мамой. Позвонила соседка, пожилой одинокой женщине стало плохо, и она попросила Марию Николаевну зайти измерить ей давление. Мама убежала как была в фартуке. Стасик вышел в прихожую посмотреть, куда она делась, и вдруг его взгляд упал на женскую сумку, лежавшую у зеркала. Соблазн заглянуть в сумку был велик. Что носят женщины в сумочках, детдомовский ребёнок не знал. Мамина сумка – это было что-то очень личное, присущее только маме, скрывающее тайну. Стасик узнал бы эту тайну, и мама стала немножко ближе. И он залез в сумку. Там лежали ключи, кошелек, носовой платочек, блокнот и косметичка с помадой, пудрой, разными тюбиками и баночками. Когда Стасик раскрыл пудру и приблизил к лицу, чтобы вдохнуть приятный запах, вдруг открылась входная дверь и в квартиру вошла мама. Стас испуганно вздрогнул, руки задрожали, и он выпустил из рук коробочку. Пудра рассыпалась, окутав мальчишку ароматным облаком. Звякнуло разбившееся об пол зеркальце. Мама на мгновение застыла на пороге, на долю секунды на её лице мелькнули изумление и лёгкое замешательство. Всего лишь доля секунды. Стасика захлестнула волна паники. Перед глазами замаячили железные ржавые прутья детдомовского забора.

– Это не я! – закричал Стасик.

На шум из комнаты появился Ромка.

– Это Рома рассыпал пудру! – смалодушничал Стасик, обсыпанный пудрой с ног до головы.

Ромка быстро оценил ситуацию.

– Мам, извини меня, пожалуйста, – выхватил он сумку из рук Стаса и тоже испачкался пудрой, – мне нужна была твоя записная книжка, у тебя же записан телефон Лёвкиных, мне нужно Вовке позвонить. А пудра вдруг выпала из сумки.

– Да ну её эту пудру! – рассмеялась мама. – Мне она не нравилась, а выкинуть жалко было. Мальчишки, идите умываться, посмотрите, какие вы теперь напудренные.

Стас быстро-быстро заморгал глазами, пытаясь сдержаться, и вдруг громко разревелся, размазывая по лицу розовые круги.

Вечером он подслушал, как Мария Николаевна плакала и говорила мужу:

– Саша, он боится, что мы вернём его обратно! Мы должны заслужить его доверие. Он должен знать, что бы ни случилось, что бы он ни натворил, он наш сын и им останется, это неизменно. К нему совершенно нельзя проявлять строгость. Я боюсь, что он воспримет это как предательство. Его надо любить, всей душой и самозабвенно. Так, как настоящие родители любят своих детей – хороших, плохих, непослушных, больных, любимых – только потому, что это их дети. Тогда он отогреется и сможет быть счастливым.

Любовь, которой окружили мальчика Сергеевы, была абсолютной. Стасику снова повезло.

Глава 4. Чечёткины

2018 год

Дом, где теперь жили Чечёткины, находился в небольшой деревушке. Не в коттеджном посёлке, где селятся состоятельные граждане. Они выстраивают дома по индивидуальным заказам, обносят посёлок высоким забором и ставят шлагбаум. Это была самая обычная деревня, в получасе езды от города на электричке. Здесь особенно ярко проявлялись признаки разделения общества на бедных и богатых. Деревенские старожилы жили в своих старых домишках, выращивали картошку на огородах, держали скотину. Одноэтажные домики перемежались двух-, трёхэтажными особняками, недавно выстроенными гражданами, которые не хотели тесниться в квартирах в городе. У Чечёткиных был такой особняк. Чтобы его построить, Вадик выкупил три земельных участка. Земли хватило на большой двор, трёхэтажный дом с бассейном и гаражом на три автомобиля и на сад за домом.

Юлькина комната находилась под самой крышей. Окна выходили в сад и небольшой лесок, начинавшийся сразу за забором. Она никогда не закрывала окно тяжёлыми тёмными шторами, а летом спала с окном, раскрытым настежь. Ей нравилось видеть тёмные верхушки деревьев на фоне звёздного неба и засыпать под шелест листвы, её не пугали даже изредка залетающие комары. Утром Юльку будили солнечные блики, проскальзывающие сквозь лёгкую ажурную занавеску, свежий ветерок и птичий гомон. Так она любила просыпаться, тогда день начинался светло и радостно. Но не сегодня. Перед сном она непредусмотрительно оставила открытой дверь в свою комнату, поэтому утром её разбудил не щебет птиц, а звучный бабкин голос. Крик долетал с первого на третий этаж. Конечно, Юлька слышала его не во всём регионе, а только отзвуки, но в чём было дело, вполне понятно. Мать опять не угодила бабке с завтраком. Надо сказать, что угодить было невозможно в принципе, потому что бабка чередовала здоровый и нездоровый образ жизни без какой-либо системы. Юлька была уверена, что главным был повод потренировать с утра лёгкие на материной персоне, так как держать в себе негатив вредно для здоровья. Это правило работало на все сто процентов, и бабка в свои семьдесят лет сохранилась просто великолепно. Не поредела даже коса, бабка красила её в чёрный цвет и с возрастом своих пристрастий в причёске не изменила. Хотя упитанная, слегка примятая жизнью старушечка с длинной девичьей косой смотрелась диковато.

Было и второе следствие не закрытой плотно двери. Оно сидело на кровати в ногах у Юли и самозабвенно вылизывало основание собственного хвоста.

– Клёпа, ты что тут делаешь? – заподозрила неладное Юлька.

Абиссинская красавица оторвалась от своего занятия и перевела миндалевидные, подёрнутые томной негой глаза на Юльку. Во взгляде Юлька прочитала, куда ей следует идти со своими вопросами. Потом кошка лениво потянулась, спрыгнула с кровати и не спеша направилась к выходу. А Юлька, прежде чем сунуть ноги в тапки, проверила их изнутри. Так и есть, один тапок мокрый и явственно воняет кошачьей мочой. Юлька схватила второй тапок и запустила им вслед кошке. Не попала. О том, чтобы ткнуть наглуую морду в описанный тапок, не могло быть и речи. Это была кошка отца. Она, как депутат, пользовалась полной неприкосновенностью и абсолютной безнаказанностью. Если что-то ей не нравилось, она жаловалась Вадиду. И тот принимал меры. Как он её понимал, оставалось загадкой для всех.

– Вот противное животное! – возмутилась Юлька. – Ну, подожди! Доберусь я до тебя когда-нибудь!

На кухне тем временем Нинель Борисовна продолжала тренировать лёгкие.

– Верка, ты меня раньше срока хочешь в могилу отправить?! У меня холестерин! А ты мне с утра блины съешь, да ещё с маслом, – она брезгливо подняла блин с тарелки двумя пальцами, блин порвался и шлёпнулся на тарелку, в пальцах остался обрывок блина.

Бабка вытерла жирные пальцы белоснежной салфеткой и шумно отодвинула от себя тарелку.

– Фу, куда столько масла?! Я за свою жизнь тарелку овсянки на завтрак не заслужила?! – завела любимую песню бабка.

Мать, ни слова не говоря, принялась варить овсянку.

– На воде или на молоке? – уточнила Вера.

– Ты до каких лет дожила, а кашу варить не научилась! – не унималась бабка. – На молоке, конечно, сама свою отраву на воде хлебай. Да масла туда положи! Клади! Клади! Кашу маслом не испортишь. И варенья туда добавь, и изюму. Куда ты столько изюму сыпешь?! Он же сладкий! У меня сахар!

Юлька спустилась в столовую, пожелала доброго утра, присела к столу и налила себе кофе.

– Бабуль, так у тебя холестерин или сахар? – деловито спросила она бабуку, стараясь отвлечь её от матери.

– Тебе-то что?! – тут же переключилась бабка. – Интересуешься, от чего помру? Не дождёшься наследства?

– Ну что ты, бабуль? – улыбнулась Юля. – Я просто переживаю о твоём здоровье. И ещё я прочитала, что холестерин хорошо льняная каша понижает, давай я тебе куплю и привезу из города сегодня. Очень полезно.

– Не буду я эту дрянь есть! Сама ешь!

– Ну, нет так нет. Как хочешь.

В столовой появился Вадик. За последние годы из долговязого нескладного парня он превратился в весьма упитанного солидного мужчину с уверенным взглядом. На голове обозначилась лысина, редкие волосёнки были аккуратно подстрижены и уложены. Он был чисто выбрит, румян, благоухал терпким дорогим одеколоном, который он по старой привычке сначала обильно лил на руки, а потом хлопал ими по свежевыбритому лицу. Несмотря на ранний час, он уже был полностью одет. С костюмом бежевого цвета гармонировала более тёмная, в тон костюму рубашка. Шейный платок дополнял образ. Вообще, Вадик предпочитал носить галстуки. Но в последнее время галстуки отказывались лежать на выступающем животе ровно, не помогали ни держатели, ни другие уловки, галстуки упорно сбивались набок. Поэтому Вадик перешёл на шейные платки. По его мнению, они придавали его облику некую божественность.

Он уселся во главе стола. Тут же подскочила Вера, поставила перед ним большую тарелку с мясной нарезкой, масло, омлет с овощами, горячий французский хлеб и большую кружку с растворимым кофе. Сколько ни пытался себя приучить, но пить варёную кофейную бурду Вадик так и не привык.

Юлька заторопилась, на ходу допила кофе и сунула половинку блина в рот, жуя, поблагодарила маму:

– Мамочка, спасибо, очень вкусно!

Мать подарила ей тусклую улыбку.

Юлька схватила со стула сумку и выбежала из дома. С отцом она предпочитала встречаться как можно реже. Во дворе её ждала машина, подарок отца. Красная «Тойота» привлекала внимание. Юлька предпочла бы что-то менее вычурное, но дарёному коню в зубы не смотрят, и Юлька была искренне благодарна отцу. Хотя это, конечно, была дань Вадиковой гордости, а не забота о дочери. Но Юлька, которая раньше сорок минут шла пешком до станции, потом ехала в электричке и ещё час на автобусе, чтобы попасть на работу, была очень рада машине.

Вадик тем временем с неудовольствием посмотрел вслед дочери и с досадой подумал: «Опять в джинсах, майке и кедах. Очки эти отвратительные... Я такую машину ей купил! В

«Тойоте» такой крокодил ездит. Смотреть противно! Гаишники машину отберут когда-нибудь, не поверят, что это её машина».

Вадик поинтересовался здоровьем тёщи и приступил к завтраку. Он хотел было полистать газету «Коммерсант», заботливо положенную на стол Верой, но тут к нему на колени, а потом сразу на стол запрыгнула кошка. Вадик отставил тарелку и ласково провёл ей по спине, та немедленно замурчала и потёрлась о руку.

– Клео, Клеопатра, красавица моя, умница! – растёкся от нежности Вадик. – Ты проголодалась, моя девочка? Опять эта негодная Вера тебя не покормила утром.

Кошка топталась по столу, ловила мордой руку хозяина, размахивала свежеоблизанным хвостом, а Вадик напевал ей ласковые слова прямо в уши. Он на минуту отвлёкся и прикрикнул на Веру:

– Опять кошка голодная! Каждый день одно и то же! Неси сюда паштет, тот, который она любит. Хоть я её покормлю.

Он скинул с блюда прямо на скатерть нарезанный хлеб, подготовив для кошки посуду.

– Вадичек, я ж её покормила! – всплеснула руками Вера. – Она полчаса назад паштет съела. Остался только сухой корм... Вадик, я паштет сегодня днём купить собиралась.

– Собиралась она! Что ты за хозяйка! Ума нет для кошки кормом запастись! И что ты мне врешь, что покормила! Я что не вижу! У неё глаза голодные!

Вадик шумно встал из-за стола, вытер сальные губы и раздражённо швырнул салфетку.

– На работу, Вадик? – поинтересовалась тёща, когда он направился к выходу.

– Конечно, Нинель Борисовна, дел как всегда невпроворот. Вы же знаете, без меня всё стоит на месте.

– Знаю, Вадюша, знаю, – понимающе вздохнула тёща. – Иди, а мы тебя с Верой ждать будем. Ты что на ужин хотел бы? Мы сейчас что-нибудь вкусенькое приготовим. Ты вечером приедешь, а мы тебе баньку растопим, хочешь?

– Банька – это хорошо, но я пока не могу сказать, когда вернусь.

– Ну, поезжай! Аккуратно на дороге, касатик наш, – благословила тёща.

* * *

Работа сегодня в планы Вадика не входила.

Он направился в противоположную сторону от офиса, в спальный район. Дом, возле которого он припарковался, тоже был спальным. Вадик здесь спал. Спал он не один, а в компании с очень привлекательной женщиной.

– Мой Вадюша приехал, – обняла его прямо у двери Лара, ненатуральная блондинка хорошо за тридцать. Любовника она встречала в розовом неглиже, распахнутом на пышной груди.

Лара была в том возрасте, когда знаешь цену себе, окружающим людям и самой жизни. Такие субстанции, как искренность, душевное тепло, доверие, любовь, даже влечение и страсть давно потеряли свою ценность для Лары, и на первое место вышли комфорт и личное благополучие.

Вадюша с удовольствием прижал её к себе. То, что он видел, неизменно его радовало: Лара с модной причёской, когда волосы переливаются разными оттенками блонда, длинные ресницы, безукоризненно гладкая кожа и тело, как дрожжевое тесто, такое же белое, пышное, мягкое и лёгкое. И такой же лёгкий нрав, никаких мук, страданий, задумчивости. В общем, ничего похожего на тощую Веру, чья кислая физиономия давно ничего, кроме изжоги, у Вадика не вызывала.

Вадюша прошествовал в гостиную, тяжело дыша после подъёма по лестнице на второй этаж, и плюхнулся на диван. Лара примостилась рядом, расправила на себе халатик так, чтобы оголились ноги, но ровно до тех пор, где появлялись признаки целлюлита.

– Опять твоя жена тебя всякой дрянью накормила, – не оставила незамеченной одышку Лара. – Вадик, она халатно относится к твоему здоровью. С тебя что взять? Ты только о работе думаешь. А вот она, сидя дома, просто обязана создать тебе все условия для полноценного отдыха и здорового образа жизни. Неужели тяжело на завтрак своему мужчине сварить овсянку?! Простую овсянку. А, Пусичка? Ну, скажи, тяжело?

Она поцеловала Пусичку и закинула ему в рот виноградинку.

– Лара, ты же знаешь, им от меня нужны только деньги. Им совершенно наплевать на то, что я ем, что я одеваю, здоров ли я, – с пафосом повторил Вадик давно заученную фразу. – Разве я думал когда-нибудь, что такими равнодушными окажутся самые близкие мне люди. Совершенные, абсолютные эгоисты.

– Пусичка, я так тебя понимаю! – бросилась ему на шею Лара. – Ты всё своё время, силы, здоровье отдаёшь этим неблагодарным людям. А ты, между прочим, уже не в том возрасте, когда можно забывать о себе.

Лара встала, продефилировала мимо Вадика и стала против окна. Вадик имел возможность оценить все прелести её фигуры.

– Задумывался ли ты, что если с тобой что-то случится, то всё, ради чего ты жил, полностью обесценится? – продолжала Лара. – Я уж не знаю, что там у тебя есть! Я никогда не интересовалась. Дом, машина, наверное, какие-то деньги... В могилу ты их с собой не заберёшь, а твои жена с дочкой их быстренько спустят. Можешь обижаться на меня! Но жена твоя – недалёкая особа, а дочь вообще дурочка молодая, ей кроме шмоток и всякого барахла дорогого ничего не надо. У молодёжи ведь ни ума, ни вкуса нет. Обиделся?

Вадик отрицательно замотал головой.

– Ну и пусть! Обижайся! – как будто не заметила Лара движений Вадика. – Кто тебе кроме меня правду скажет? Мне ведь от тебя ничего не надо! Просто у меня душа болит от беспокойства о тебе.

Она положила руку на свой большой бюст в область, где предположительно находилось сердце.

– Я знаю, Вадик, что тебе нужно. Я отдаю себе отчёт, что после таких слов ты можешь ко мне больше не приехать. Скажешь, что я лезу не в своё дело. Кто я тебе? Всего лишь бесконечно любящая тебя женщина. Для меня это будет большим ударом, но всё-таки я скажу. Тебе нужен сын! Не бестолковая дочь, думающая о нарядах, а сын – наследник, надежда и опора. Сын, которому ты сможешь передать своё дело. Свою фамилию, в конце концов. Сын – это показатель успешности для мужчины. Сын остаётся после тебя и продолжает фамилию, род и дело!

Лара выдохнула с облегчением, вроде бы ничего не забыла. Подошла к Вадиду и, не затягивая паузу, насмешливо продолжила:

– У тебя с женой как дела обстоят?

С притворной стыдливостью и призывной улыбкой она прикинула к Вадиду и жарко зашептала на ухо:

– Она тебе сына родить сможет? Хочешь, я тебе рожу сына? Он будет на тебя похож, такой же сильный, умный, красивый... Ты будешь покупать ему игрушки, всякие там машинки, самолётики. Он будет ждать тебя, радоваться твоему приходу, бежать навстречу. У вас с ним будут свои секреты. Ты воспитаешь наследника, будешь гордиться им... Хочешь?

Лара повалила Вадика на диван, и он тяжело запыхтел.

Спустя некоторое время Лара игриво дразнила Вадика, поднося и убирая виноградинки от его рта. Потом, будто поддавшись внезапному порыву, резко обняла, крепко прижав его лицо к своей пышной груди и с надрывом произнесла:

– Вот так и держала бы тебя всю оставшуюся жизнь и никуда не отпускала! Ты сам не понимаешь, какой ты! Ты не такой, как все! Я никогда не встречала мужчин, хоть немножко похожих на тебя! Ты уверенный, сильный, ты умеешь принимать решения. Рядом с тобой я чувствую себя настоящей женщиной... Ты такой красивый!

– Ларочка, девочка моя, – горячо шептал Вадик, – я так хочу остаться с тобой навсегда! И сына хочу! Потерпи чуть-чуть, мы будем вместе! Ты же понимаешь, мне не двадцать лет и у меня есть кое-что за плечами. Нужно думать о последствиях. Я должен правильно поступить с бизнесом. Да вообще, со своим имуществом! Я вкальваю всю жизнь и не собираюсь оставлять всё, заработанное потом и кровью, этим нахлебникам. Я не могу прийти к тебе с одним чемоданом. Если у меня будет сын, то у него должно быть всё! А моя нынешняя семья, так называемая семья, они потребители, эгоисты, мерзавцы, но не дураки. А уж тёща, она вообще страшная женщина. Если она что-то заподозрит, ни перед чем не остановится, запросто мне яду в еду добавит. Поэтому, пока я не подготовил свой развод, мы с тобой будем скрывать нашу любовь от грязных взглядов!

* * *

В это самое время страшная женщина Нинель Борисовна развлекалась от души. Она принимала гостей. Выйдя на пенсию и не имея никаких бытовых хлопот, Нинель заскучала и вспомнила семейное проклятье. Её мать в деревне считали ведьмой, почему бы не объявить себя потомственной колдуньей. Нинель стала развивать свой врождённый магический дар. Был дар или нет, её не волновало вообще, достаточно было врождённой бессовестности вкупе с немалой фантазией, которые позволяли не ограничивать себя и получать удовольствие, мороча голову соседкам.

Гостей бабка принимала в своей собственной гостиной, то есть в будуаре. Никаких жабьих шкур и змеиных голов в будуаре она не держала. Это была большая комната с французскими окнами, выходящими в сад. Дизайнер предполагал, что здесь будет много воздуха и света. Но Нинель Борисовна разошлась с ним во вкусе. Поэтому большие окна были завешены тяжёлыми бархатными портьерами с бахромой и кистями. Вдоль стен стояли комоды, шкафчики, столики, тумбочки, на которых теснились вазы и вазочки, различные статуэтки, подсвечники и ещё много различного добра. В центре стоял большой круглый стол, накрытый опять-таки бархатной скатертью в тон портьерам. Во главе стола в кресле с высокой спинкой восседала сама колдунья, как королева на троне. В комнате царил мягкий полумрак, желтоватый свет давали редкие ночники, висящие на стенах.

Сегодня избавляли от венца безбрачия соседку Лидию, пышную тридцатисемилетнюю девицу, до сих пор не обретшую семейное счастье.

– Ты, Лидка, девка не сильно умная и ещё меньше красивая, – внушала оптимизм добрая бабушка. – Такие, как ты, просто так замуж никогда не выходят. Я даже сомневаюсь, стоит ли мне братья за тебя.

– Нинелечка Борисовна, душечка, пожалуйста! Мне так замуж хочется! Чтобы муж и дети, хоть одного родить успеть!

– Ну, давай попробуем, посмотрим, что у тебя на судьбе написано. Умеешь ты, Лидия, уговаривать.

Старуха принялась с задумчивым видом переключать карты, пожёвывала губы, покивала своим мыслям и озабоченно нахмурила брови.

– Ну что там? – нетерпеливо встряла Лидка.

Старуха грозно на неё взглянула:

– Я тебе не сантехник, чтоб ты меня торопила, сиди и молчи. Ещё раз вякнешь – проваливай отсюда!

Лидия, которая привстала, чтоб видеть карты, рухнула на стул и притихла.

Бабка ещё минут пять переключивала карты, потом ей это надоело, и она сказала:

– Нет, Лидка, даже рассказывать тебе ничего не буду. Всё бесполезно, никакого женского счастья тебе на роду не написано. Всё, уходи!

Она начала собирать карты.

– Как, Нинель Борисовна, как же это? – испугалась Лидка.

– Иди-иди! Чего не понятно?

– Нинель Борисовна, ну хоть что-то скажите, – со слезами начала её упрашивать Лидка. – Я вам любые деньги заплачу!

– Дура! Да тебе никакие деньги не помогут! Кресты на твоей судьбе сплошные! Нет ни детей, ни мужа. Ты пустоцвет. Зря воздух портишь! Чего не понятно?

– Нинель Борисовна, миленькая, родненькая! – ревела Лидка. – Как же так?! Что же делать?!

– Да ничего не сделаешь, иди, говорю, хватит мне нервы трепать! Что за люди! Сказала же, отстань! Так нет же, выпросят всё, а потом ревут. И вообще, для тебя это большая удача, что не будет у тебя семьи...

Нинель Борисовна потупила глаза в пол, как будто слова вырвались нечаянно и она расстроена своей болтливостью.

– Как?! – ахнула Лидка. – Нинелечка Борисовна, миленькая, расскажи, расскажи, что увидела, пожалуйста!

– Венец безбрачия на тебе! Но не простой! Он тебе как милость дан, так что практически нет никаких шансов выйти замуж, – старуха как будто решила рассказать. – Твоя прабабка согрешила, разбила семью одного офицеришки, поиграла в любовь и бросила. А он влюбился и с женой жить не смог после этого. Он ушёл из семьи, а там четверо детей было, семья голодала. Младший сын от воспаления лёгких умер. Второй тоже какую-то кишечную инфекцию схватил, слабый же был. Мать беременная была пятым, он её заразил и тоже недолго протянул. И мамаша следом за ними после выкидыша отправилась. А когда умирала, прокляла твою бабку на семь поколений через одно. Вот у твоей матери всё нормально, а ты будешь мёртвых рожать и после пятой беременности сама помрёшь. Так что венец безбрачия тебе прабабка как спасение вымолила.

Лидка разрыдалась в голос, а потом повалилась на колени перед старухой. Лидка хватала её за руки и тянулась к ним губами.

– Нинелечка! Может, ты сумеешь что-то сделать, ты же волшебница, самая настоящая, про тебя люди чудеса рассказывают. Сделай что-нибудь, помоги, ничего для тебя не пожалею...

– Отстань, – брезгливо оттолкнула её бабка. – Если я тебе помогу, потом сама болеть стану. Я вам всем помогаю, а моя аура изнашивается. Она у меня знаешь какая?! Как из ружья расстрелянная, зачем мне это?

– Нинелечка, родненькая! – выла Лидка и ползала на коленях. – Помоги! Всё, что есть, тебе отдам, сними порчу с меня.

– Умеешь ты уговорить, – вдруг согласилась старуха, решив, что нагнала достаточно страху на Лидию. – Принесёшь мне сервиз немецкий, что от прабабки тебе остался. Он проклятие в себе держит. Только, смотри, весь носи, чтобы ни одно блюдечко не затерялось. Там ещё молочник такой красивый есть с синими цветочками, его не забудь! И деньгами принеси сто тысяч. А я так уж и быть попробую тебе помочь. Но гарантий в таком деле не дают. На себя приму твою порчу. Хорошо, если я после этого в живых останусь.

– Хорошо, Нинелечка, – согласно закивала Лидка и заползла на стул.

– Значит так, сперва будешь пить травы, что я тебе дам.

Старуха пошла в гардеробную. Там у неё на полочке стояли аккуратно расставленные флакончики тёмного стекла, как в аптеке, с каким-то серо-зелёно-бурым содержимым. Взяв первый попавшийся под руку флакон, старуха посмотрела его на свет, потопталась, затягивая время, задумалась, потом открыла флакончик и понюхала содержимое. Плюнуть туда, что ли? Но запах так резко ударил ей в нос, что перекошилось лицо и заслезились глаза. Бабка скорее закрутила флакон и ехидно захихикала.

– Вот тебе, Лида, заговорённое средство, настой из трав. Заговор мне от бабки моей – ведьмы достался. Пить только ночью, в двенадцать, потом в три, потом в пять часов по чайной ложке неделю, – бабка злобно сузила глаза. – Неделю – мало, пей тринадцать дней. Когда будешь пить, становись лицом к луне. Учти, один раз проспишь, всё кончено, заново начинать нельзя – умрёшь!

– Я не просплю, – выпучила глаза Лидка.

– Не перебивай! Проспишь или не проспишь, твои проблемы, я не отдел кадров и не охрана труда. Потом, через тринадцать дней, в первую же субботу пойдёшь в загс.

– Сразу в загс?!

– Не перебивай, дура! Размечталась! Пойдёшь в загс пока одна, – повторила старуха и продолжила на ходу придумывать. – Дождёшься невесту, которая курить будет. Она сигарету выкурит и бросит окурочок в пепельницу или на землю, всё равно. Ты этот окурочок заберёшь, дома его сожжёшь и пепел выпьешь с... чаем. Только не перепутай! Окурочок должен быть именно невесты, не гостей, не жениха. А после этого не прозевай своё счастье. Первый же мужик, который к тебе интерес проявит, – твой. Нравится, не нравится, хоть он самый вонючий бомж будет, подними, отмой и себе заberi. Он твоя судьба. Удержишь – проклятье спадёт, замуж за него выйдешь и детей родишь. С детей своих проклятье тоже снимешь. Запомнила?

Лидка подобострастно мелко закивала головой.

– Всё запомнила! Всё сделаю! А если облачно будет и луну не видно?

– Будет видно, обещаю, – широким жестом пообещала бабка. – А сейчас тащи сервиз и деньги. Иди, устала я от тебя.

Лидка заторопилась к выходу, размазывая слёзы по физиономии и шмыгая носом.

Бабка развалилась в кресле и беззлобно усмехнулась ей вслед:

– Вот дура-то!

Немного посидела, смакуя в мыслях подробности собственной авантюры. Захотелось разделить с кем-то успех, и она вспомнила про дочь. Заодно и чайку захотелось.

– Верка, иди сюда, принеси мне чаю и блинчиков. Блины со сгущёнкой!

Подождала немного:

– Верка!

Вера не ответила.

– Куда она запропастилась, дома нет, что ли?

Настроение у бабки было благостное, и она простила дочери отсутствие в нужный момент. В ожидании гонорара за колдовские услуги бабка задремала в кресле.

* * *

Пока бабка развлекалась с гостьей, Вера наконец-то оказалась предоставлена самой себе. Она взяла сумочку и пошла на электричку.

В свои сорок шесть Вера сохранила девичью стройность. У неё была модная причёска, умелый макияж. На ней прекрасно сидел модный брючный костюм. Но стильная одежда и профессионализм парикмахера не могли скрыть затравленного взгляда, опущенных плеч, тяжести в движениях, когда каждый шаг давался с усилием, будто к ногам привязаны гантели. Из моло-

дой женщины ушла жизнь. Она была как осенний листок, начинающий желтеть, сохранивший свою гладкость, но уже мёртвый.

– Как же я устала, устала, устала, устала, я устала... – в такт своим шагам как мантру повторяла Вера и вздыхала.

Это получалось само собой. Так бывает, когда выполняешь какую-то привычную скучную работу. Голова пуста от забот и мыслей, и ты начинаешь напевать какой-то куплет себе под нос или монотонно качать ногой. А Вера бесконечно повторяла одну фразу: «Я устала, как же я устала...». Она засыпала, ощущая дневную усталость в руках, ногах, в каждой клеточке тела, и просыпалась, выдыхая: «Как я устала...».

На станции она села в вагон, проехала пару станций и вышла в посёлке Горка. Недалеко от станции Вера смело прошла в ворота большой усадьбы. Посреди участка стоял двухэтажный белый дом с большими окнами и колоннами у входа. Вокруг дома был разбит большой сад, пестрели богатством красок клумбы. Ворота и все двери этого дома были открыты, никаких запоров, звонков. Людей видно не было. Только возле клумбы склонилась крупная фигура мужчины. Услышав шаги, он выпрямился. Это был высокий крепкий мужик, с лицом, которое вряд ли забудешь. Его отличала тяжёлая квадратная челюсть, большой нос, узкий лоб и маленькие невыразительные глазки.

– Квазимодо какой-то, – пронеслось в голове у Веры, и она тут же устыдилась своих мыслей и поправилась, – зато человек хороший. Здесь других быть не может.

Она поздоровалась, он промолчал, но вдруг широко улыбнулся во все 32 зуба.

Вера без стука уверенно вошла в дом.

Это был наполненный воздухом и светом совершенно белый дом. Белые стены, белые шёлковые занавеси, белая мебель, белый мраморный пол. На стене в гостиной прямо напротив входной двери висели огромные белые часы с чёрными стрелками и крупными римскими цифрами. Эти чёрные пятна мгновенно приковывали к себе взгляд, и Вера не сразу заметила сидящую под часами, как под иконой, маленькую пожилую женщину в свободной белой пижаме с тюрбаном на седой голове.

Женщина легко встала с дивана и пошла навстречу Вере, протягивая руки и тепло улыбаясь:

– Верочка моя приехала, птичка моя, радость моя, иди скорее ко мне, я тебя обнять хочу!

Вера склонилась к старушке и с готовностью прильнула к ней.

– Здравствуй, Матушка!

– Ну, здравствуй, здравствуй! Тебя почти месяц не было! Я так соскучилась, задыхаюсь без тебя, как будто воздуха меня лишили.

Матушка взяла Верины руки в свои и увлекла её за собой на диван. Она обнимала Веру и гладила по голове, как маленькую.

– Я тебя не упрекаю, что на сердце, то и на языке. Я же понимаю, у тебя семья, забот много. Вот вспомнила меня, приехала, я и рада! Ну, расскажи мне, как живёшь, как твоё здоровье, как твоя семья? Не обижают ли тебя?

– Устала я очень, – привычные слова первыми сорвались с губ. – Всё дома как обычно, уборка, готовка, стирка. Но для меня это не тяжело, я же для родных людей стараюсь. Я всегда так жила. Сейчас даже легче, чем раньше. У нас для всего разная техника есть. На работу больше ходить не надо. Дочка выросла, с ней хлопот совсем никаких. А я дома как в склепе.

– А дочка тебе помогает, наверное?

– Иногда помогает, но она уже работает, утром рано уезжает и возвращается вечером, дома только ночует. У неё своя жизнь. О чём ей со мной разговаривать? Не о кастрюлях же!

– А муж как? Не образумился?

– Ой, Матушка, у него снова любовница. Но я к этому тоже давно привыкла, и душа уже не болит. Только раньше у него одна женщина недолго задерживалась, а с этой он уже два месяца, духи и помада не меняются.

– А мать твоя знает об этом? Ей же дочку, наверное, жалко?

– Мама всегда Вадика поддерживает. Он мужчина, содержит нас всех. И раз уж ему понадобилась другая женщина, значит, я сама виновата, что стала мужу неинтересна.

– Бедная ты моя, – Матушка снова обняла Веру. – Как же у меня сердце о тебе плачет!

– Матушка, я всегда так жила! Привыкла! Не понимаю, почему сейчас неважноту стало. Жить не хочется.

– Это неправильно. И мы это исправим. Раз ты ко мне пришла, значит, бог не хочет, чтобы ты страдала. Я должна тебе помочь.

– Матушка, у меня нет ничего своего, я завишу от мужа полностью. Я ничем не смогу отблагодарить вас за доброту.

Матушка снова погладила Веру по голове и тихонечко рассмеялась.

– Ох, насмешила ты меня! Посмотри вокруг, разве нам что-то нужно? У нас всё есть. Мы даём людям душевную благодать, а награду нам Вселенная посылает. На это и живём. Ты же видишь, я тебе ничего не внушаю, не требую веры в бога, веры во Вселенную. Эту мудрость постичь простому человеку невозможно. Да и не надо. Вселенная выбрала тебя и прислала ко мне, значит, я должна помочь. Бог очень добрый, он не хочет, чтобы человек страдал, он желает, чтобы человек жил в радости и счастье. Единственное, чего он требует от нас, – чистоты души. Бог, я так его называю сейчас, чтобы тебе было понятно, больше так называть не буду. Буду говорить не бог, а Вселенная. Вселенная одна на всех, а люди пытаются разделить её. Каждый народ хочет понимать её по-своему, ищет какой-то потаённый смысл. А вселенских законов всего три: время даётся единожды, то есть каждая минутка – это твоя жизнь, цени её. Второй закон – закон чистоты сердца, не пачкай душу свою грехом. А третий закон – за всё надо платить. Согрешил – заплати. Соблюдай эти законы, и Вселенная не станет требовать от тебя жертв. Всё очень просто.

– Какая вы мудрая, Матушка! – восхитилась Вера.

– Что ты, детка, – улынулась Матушка, – я самая обычная. Такая же сестра, как все женщины, которые захотели здесь жить или которые приходят к нам за помощью. А учит нас отец Эммануил. Вот ему многие тайны открыты. Он всё знает и заботой своей нас оберегает. Он и о тебе знает. Говорил мне. Знает, что душа твоя болеет, и почему болеет, тоже знает. Не в любовнице дело и не в матери твоей. Сама знаешь. Плохо, что молчишь об этом. Боль душевная, как нарыв, прорваться должна, иначе весь организм отравится. Ты давно отравлена. Ещё немножко, и погибнешь, раздавит тебя боль. Спаси себя, детка, расскажи, сними груз с души. Только говори правду, не приукрашивай.

Матушка говорила так мягко и спокойно. Казалось, что она всё знает и любит Веру, несмотря на её грехи. И Вера заговорила. Она рассказала, как родила двойню, как одного ребёнка у неё забрали, как ненавистны ей с тех пор муж и мать. Рассказала о своих снах, о боли, которую носит в себе уже двадцать шесть лет. О том, что не смеет ни с кем заговорить о сыне. О днях рождения дочери, которые не празднуют в семье. А для Веры эти дни рождения, что похороны, так ей горько бывает.

Вера говорила бессвязно, перескакивая с одного на другое и не замечая слёз, которые градом катились из глаз. Матушка не перебивала, не задавала вопросов и остановила только, когда Вера начала захлёбываться в рыданиях и задыхаться. Будто ниоткуда появилась ещё одна сестра со стаканом воды и тут же исчезла.

– Всё, милая, хватит! Хватит! Выпей воды, – Матушка приставила к губам Веры стакан с водой и заставила выпить. Вера пила, зубы стучали о стекло, вода текла по подбородку.

Матушка стянула с головы тюрбан, он оказался длинным шёлковым шарфом, и заботливо вытерла Вере лицо.

– Хватит, милая, – повторила Матушка и с небольшим усилием заставила Веру положить голову к себе на колени. – Бедная моя девочка, как же ты долго терпела. Не надо больше, помолчи, лежи, а я с тобой посижу. Теперь всё хорошо будет...

Матушка гладила Веру по голове, и она постепенно успокаивалась, дыхание становилось тише и ровнее. Вера засыпала под тихие слова Матушки и равномерное тиканье часов над головой.

Вера спала несколько часов и просыпалась неторопливо и спокойно. Её разбудил свет, проникающий сквозь веки, был день, и спала она в очень светлой комнате. Этот свет дарил чувство безопасности. В комнате никого не было, под головой у Веры лежала мягкая белая подушка, кто-то заботливо накрыл её пледом. На душе было удивительно спокойно. Нарыв вскрылся.

Матушка проводила её до ворот. Здоровый мужик снова возился возле клумбы. Увидел Веру, опять улыбнулся и долго смотрел вслед.

Вера смутилась, а Матушка добродушно сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.